

The article examines the history of the formation of the Komi-Izhem ethnographic group and their role in the colonization of the Eastern Urals region in the latter part of the XIX c. through the 1930s. Some data illustrating their present situation are adduced.

N. V. Filatova

© 1994 г. ЭО, № 5

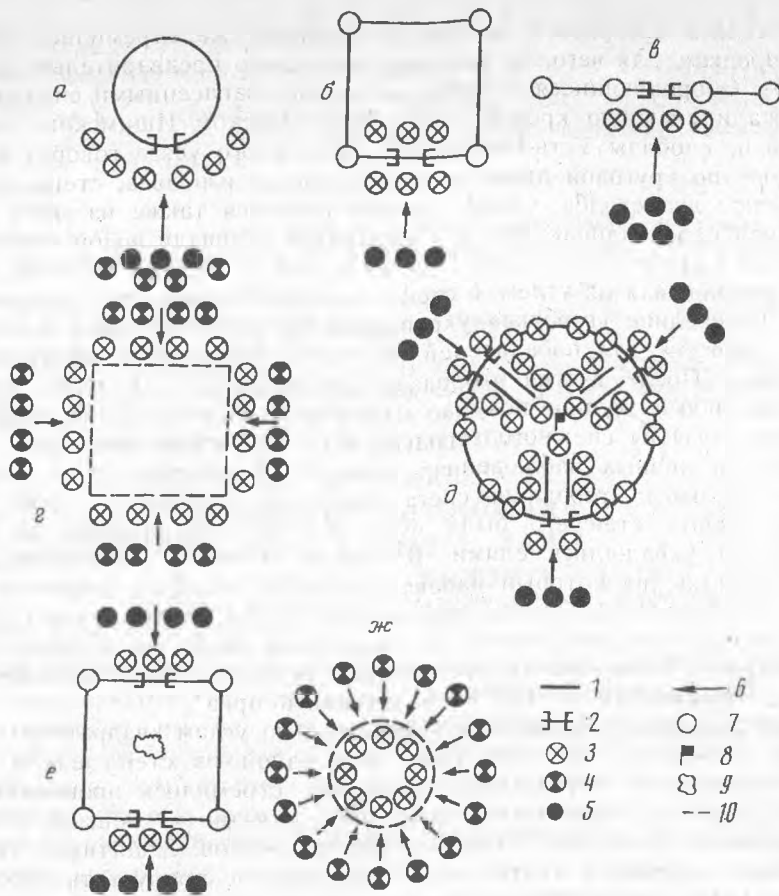
Б. В. Горбунов

ТРАДИЦИОННЫЕ СОСТЯЗАНИЯ ЗА ОБЛАДАНИЕ СНЕЖНОЙ КРЕПОСТЬЮ-ГОРОДКОМ КАК ЭЛЕМЕНТ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ

В этнографической науке малоисследованной остается народная игровая культура, зародившаяся в глубокой древности и до сегодняшнего дня отвечающая насущным потребностям общества. Из всего многообразия ее обычно выделяют народные игры, имеющие ярко выраженный военный характер¹. Изучение народных военно-спортивных игр представляет немалый интерес для этнографов и историков. Прежде всего потому, что они являют особый пласт народной игровой культуры, отражающий важнейшую сферу человеческой деятельности — военную. Такие игры составляют неизолированное явление, бытующее (или бытовавшее) только у отдельных народов; в той или иной степени они известны повсеместно и в каждом случае обладают этническим своеобразием. В обычае народных военно-спортивных состязаний, как правило, длительное время сохраняются архаичные элементы, изучение которых — одна из важнейших задач этнографии; они принадлежат (по крайней мере у большинства европейских народов) к числу исчезающих элементов народной культуры или к таким, которые сохраняются лишь в памяти старших поколений; их изучение в определенной мере проливает свет на то, каким образом при отсутствии официальных государственных структур для военно-физической подготовки широких слоев населения народные массы на протяжении столетий выступали как значительная военная сила и часто играли решающую роль в крупных военных событиях отечественной истории. Все это придает особую актуальность историко-этнографическому исследованию традиционных игр.

В комплекс русских народных военно-спортивных игр включают обычно различные виды борьбы и кулачного боя, палочные бои, многочисленные разновидности конных состязаний, «взятие снежного городка» и некоторые другие. И если такие из них, как борьба, кулачные бои, в определенной мере изучены, им посвящены обстоятельные публикации², то широко известная по картине В. И. Сурикова старинная русская народная игра «взятие снежного городка» (другие ее названия: «взять городок», «ломать город», «город брать», «город», «городок») практически не исследована, привлекала к себе внимание в основном при рассмотрении более общих проблем³. Даже в единственной специальной публикации на эту тему более половины объема посвящено рассмотрению масленичной обрядности⁴.

Что же представляла собой эта традиционная народная военная игра?

Варианты конструкций снежных крепостей-«городков» и состязаний за обладание ими. 1 — стены и проходы «городков»; 2 — ворота «городков»; 3 — пешие защитники «городков»; 4 — пешие нападающие на «городок»; 5 — конные нападающие на «городок»; 6 — направление атаки на «городок»; 7 — угловые столбы «городков»; 8 — флаг; 9 — прорубь; 10 — кромка «городка» в виде горки (возвышения).

Очевидный смысл ее состоял в противоборстве бойцов двух сторон, одна из которых защищала сооруженную накануне из льда и снега (в некоторых случаях использовалось и дерево) модель крепости, другая штурмовала ее. Внимательный взгляд на эту народную игру обнаруживает значительную вариативность как в конструкциях предметов противоборства — «городков» («крепостей»), так и в течение самих состязаний. Рассматривая эти вопросы, обратимся прежде всего к известиям из Сибири и Урала, где, как традиционно считается, эта игра имела в XIX — начале XX в. наибольшее распространение⁵. Сопроводим наше рассмотрение схематическими изображениями в плане «городков»-«крепостей» (рисунок).

Обычно «городок» сооружали на центральной площади города, села, деревни, станицы либо на льду близлежащего водоема. Этим обеспечивалось оперативное пространство для состязаний. В селах Красногорское и Стинево Алтайского округа «городки» строили округлой формы (рисунок, а). Из глыб снега возводили стены с воротами в виде двух снежных столбов, между которыми перекидывали арку из снега. Все это обливали водой, чтобы снег держался крепче, а поверхность стен была гладкой. Верхняя кромка стен часто украшалась фигурами, вылепленными из снега. Атаковавшие крепость пешие

бойцы пытались взобраться на стены, всадники же стремились прорваться внутрь «городка», для чего, по условию, надо было предварительно разрушить арку ворот. Обороняющиеся отбивались заранее запасенными снежками⁶. Так же сооружали снежную крепость в с. Медведевском Ишимского округа⁷. В сообщении из слободы Усть-Ницынской Тюменского уезда говорится, что там «складывают по круговой линии из снега, иногда изо льда, стены, в которых прокладывают два столба. Сверх столбов кладется также из снега или льда дугообразная перекладина». Все это тщательно заливали водой «чтобы крепче стояли». Предварительно столбы и перекладину с лицевой стороны украшали узорами, выкладывая их углем, а стены — скульптурами птиц, зверей и людей из снега. В середине «городка» укреплялся обледеленый столб с платком на вершине — призом для победителей. Крепость брали, прорываясь на тройке через ворота. После взятия «городка» его разрушали. Бывало, что вместо штурма кто-либо из купцов покупал «городок» и отдавал его на разрушение⁸.

Описание «взятия снежного городка» в с. Киренском Иркутской губернии, основанное на личных наблюдениях, дано В. Я. Шишковым в романе «Угрюм-река». И здесь «город» из снега сооружали круглым в плане с одними воротами. Высота стен его была чуть больше, чем всадник на коне. По гребню стены украшались елями. В центре «города» устанавливался шест «весь во флагах», на который надевали плашмя колесо с бочонком водки — призом для победителей. Пешие защитники крепости, вооруженные трещотками, комями снега и конского помета, располагались возле ворот перед «городом» и на его стенах. Атаковали крепость только верхами. Для победы нападавшим надо было проникнуть внутрь ее и захватить приз⁹.

В селах Дежнево и Пашково в Приамурье по углам квадратного «городка» возводили столбы из снежных глыб и в одной из стен делали ворота с арками (рисунок, б). Нападающие верховые стремились проникнуть внутрь «городка». Зрители, присутствовавшие на состязаниях, мешали атакующим, пугали лошадей, пытались стащить с них всадников. Защитники крепости — «городовые» находились внутри ее и старались не пропустить противника¹⁰. Согласно сообщению из ст-цы Чарышской на Алтае, «город» там строили также прямоугольной формы, причем «несколько высоких и толстых столбов из снега, соединенных вверху сводами и облитых для прочности водою, составляют основание крепости. На сводах настилаются доски, а на углах... ставятся превысокие шести, обверченные соломою». По верху крепостной стены размещались снежные статуи. Пешие защитники «города» во главе с «енералом» располагались у ворот перед крепостью и на ее стенах, встречая атакующих конников комями снега, кусками льда и холостыми ружейными выстрелами. Задача штурмующих состояла в том, чтобы через ворота ворваться внутрь крепости и зажечь соломенные шести. После этого «сотни мальчишек с оглушительным криком бросаются на крепость и в несколько минут разрушают ее до основания»¹¹. Примерно такими же были «городки» и сами состязания в ряде мест Енисейской губернии, где, однако, нападающие выступали конными и пешими. Конники старались прорваться в ворота крепости, заложенные блоками из рыхлого снега, пешие же карабкались по скользкой поверхности ее стен. Осажденные отбивались метлами, хворостинками, нагайками, снежками¹². По сведениям С. И. Гуляева, подобные конструкции «городков» бытовали во многих местах Южной Сибири. Нередко, однако, пешие защитники размещались только перед воротами крепости, а нападавшие шли на штурм «на бойких неоседланных и неподкованных лошадях»¹³.

В селах Стуково и Черемново Барнаульского округа «городок» сооружали в виде ледяной стены со столбами, в середине которой возводили ворота с аркой (рисунок, в). На последнюю «насаживают всякую падаль — дохлых собак, кошек, кур и прочее и, обливая водой, примораживают». Защитники крепости, находящиеся перед воротами, «бросают в наездников ледяные и снеговые комья». Атакующие стремятся к воротам и «хлещут нагайками по

своду. Долго никто не может надломить снежных ворот. Наконец, одному всаднику удается разрушить его — «взять город»¹⁴. Подобный «городок» описан В. И. Суриковым в его автобиографическом рассказе, адресованном М. А. Волошину. Согласно ему, в с. Ладейки Красноярского уезда стена украшалась ледяными пушками и зубцами. Пешие защитники стояли по обе стороны «городка» — стены, отпугивая лошадей криками и ударами хворостин. Конники стремились прорваться сквозь ворота, заложенные рыхлым снегом¹⁵. В г. Минусинске такой же «городок» защищали не только пешие, но и конные¹⁶. По данным В. А. Липинской, такие же конструкции «городков» бытовали и кое-где на Алтае¹⁷. В некоторых местах Сибири был известен упрощенный вариант «городка». Из уплотненного снега возводился столб «в сажень высотой» с балками на углах, где укреплялся полуштоф водки. Над ним сооружались ворота — снежная арка на столбах. Строители — «городчане» выступали защитниками, на них нападала пешая партия «врагов»¹⁸. Еще более простым был «городок» в с. Каратуз Енисейской губернии. Он представлял собой одни ворота — арку из снега, которую защищали пешие бойцы с палками, метлами, а брали «городок» верховые¹⁹.

В с. Ворсиха Ишимского округа снежный «городок» представлял простое возвышение «в виде квадрата аршин в пять высоты, с отвесными стенами» (рисунок, з). На плоской вершине его укрепляли тележное колесо с подвешенной к нему четвертью вина — призом для победителей. Там же настилали солому, которую поджигали бойцы, взявшие «город». Штурм крепости осуществляли только пешие, которые «лазили партиями (по-видимому, было несколько команд атакующих. — Б. Г.) ломать — „брать“ сооружение». Защитники располагались перед «городком» и старались не допустить до него атакующих, а тех, кто сумел прорваться, стаскивали со стен²⁰. В Барнауле при такой же конструкции «городка» высота его была «аршина в три»²¹. На плоской вершине его ставили упряжную дугу с подвешенной к ней бутылкой водки. В отличие от предыдущего, участники штурма были только верхами на лошадях. Состязание считалось законченным, когда хотя бы один из всадников взбирался на вершину обледенелого сооружения. Упрощенный вариант игры бытовал в г. Ишиме Тобольской губернии. Здесь «городок» сооружали в виде «высокого ледяного пьедестала» с фигурами людей из снега по его кромке. «Взять городок» означало влезть на вершину ледяной глыбы и «столкнуть статуи. Право «взять городок» покупалось за 6 рублей у его строителей, причем купивший это право делался героем дня. Покупатель должен был без приспособлений и помощи взобраться по отвесной ледяной стене на вершину «городка»²².

Интересное описание «городка» и всего состязания имеется в романе К. Ф. Седых «Даурия», где этнографически достоверно показан традиционный уклад жизни забайкальских казаков. В центре крепости округлой формы водружался флаг — цель нападающих. В стенах «городка» было трое узких ворот, от которых к флагу вели три прохода, огражденные стенами из снега. Состоительно борьбу за обладание крепостью вели не менее трех команд. Защитники располагались на стенах «городка» и внутренних проходов, перед воротами и возле флага (рисунок, д). По условиям состязаний, недостаточно было проникнуть в крепость и захватить флаг. Надо было выбраться с ним наружу и передать трофей станичному атаману, наблюдавшему за противоборством с возвышенности неподалеку. На этом пути соперничающие команды имели право завязать борьбу за обладание флагом, который в этом случае передавался как эстафета от одного бойца другому. Передавший флаг атаману получал от него в качестве награды каракулеву папаху и сапоги²³.

Примечательное описание таких состязаний оставил писатель Сергей Глаголь (С. С. Голоушев): «Игра эта состояла в том, что всадник скачет узким коридором между двумя сложенными из снега стенками, налетает на такую же еще более высокую стену и должен пробить ее конем»²⁴.

У оренбургских казаков в центре намеченной для строительства «городка» площадки вначале возводили из снега столб 3—4 м высотой и диаметром около 2 м в основании. До двух третей своей высоты столб был отвесным, затем сходил на конус. На вершине столба водружали флаг. Крепостные стены с одними воротами имели высоту около 2,5 м. Нападающие верхами должны были прорваться через ворота внутрь «городка» и захватить флаг. Осажденные сопротивлялись, пугая лошадей холостыми выстрелами из пушек, осыпая всадников комьями льда и снежками. В другом месте такая же крепость, но меньших размеров устраивалась детьми. Здесь, однако, атакующие шли в пешем строю и дело обходилось без стрельбы²⁵.

На Среднем Урале из снега и жердей возводили округлую крепость с одними воротами. «К столбу у ворот привязывали бутылку водки или женский платок... Парни, желая взять „город“, мчались на лошадях к воротам, но караульщик и сгруппировавшиеся участники игры отпугивали лошадей, иногда стаскивали с них всадников. Игра продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь из ловких парней не схватит бутылку или платок»²⁶. Как видно, для победы здесь не требовалось проникнуть внутрь «городка».

Обратимся далее к имеющимся сведениям о «городках» в Европейской России. В этнографической литературе утверждается, что игра эта была там мало известна²⁷. По данным И. П. Сахарова, в Тульской, Пензенской и Симбирской губерниях строили на масленицу «городки» с воротами и башнями на стенах. «Охранители» снежной крепости вооружались метлами и палками. Конные «храбрецы» нападали, врвались в ворота и разрушали городок. Если в игре участвовали одни дети, то обе стороны сражались пешими²⁸. Примерно то же с пометкой «в разных губерниях» содержит известие А. Н. Афанасьева²⁹. По сообщению И. М. Снегирева, опирающемуся, как указывает автор, на «Записки девицы Кашкадамовой», в Пензенской и Симбирской губерниях строили на реке из снега род городка с башнями и двумя воротами, между коими находилась прорубь. Конная партия осаждала «городок», а «пехота», располагавшаяся перед воротами, защищала его. «Взять городок» означало ворваться внутрь крепости через ворота³⁰. Подобное описание имеется и у А. В. Терещенко³¹. (Схема «городка» и самой игры, согласующаяся с этими сообщениями, дана на рисунке, е). В 1854 г. Г. Н. Потанин отметил широкое бытование «городков» на масленице у жителей Самары и дал похожее на предыдущее описание этой игры³². В Воткинском заводе Вятской губернии «городки» устраивали в виде высокой, в 5—6 аршин, башни с плоской вершиной, на которой находился гарнизон защитников и куда старались взобраться нападающие³³. По сообщению А. В. Терещенко, «по некоторым местностям Малороссии строят себе снежные холмики и осаждают их. Отличившимся на приступе дают пряники и орехи»³⁴. По данным Г. А. Носовой³⁵, Л. А. Новак и Н. Г. Фрадкиной³⁶, состязания во взятии «городка» имели значительное распространение в XIX — начале XX в. у донских казаков. В Кизлярском округе Терской области, согласно свидетельству современника, казаки «на масленице начинают держать и брать „города“»³⁷. Интересно скупое сообщение из Петербурга, датируемое началом XVIII в. «Лет шесть или семь тому назад,—говорится в нем,—здесь, на Выборгской стороне, разбивали примерно городок»³⁸.

Обратим внимание на сообщение информатора Этнографического бюро В. Н. Тенишева из Сольвычегодского уезда. «Иногда,—говорится в нем,—делятся на две партии, избирают двух предводителей, потом по жребию одна партия занимает какой-нибудь холм — „город“. Другая партия должна завладеть городом. Победа остается за той, за которой останется холм. Называется эта борьба „с городом долой“»³⁹. Есть сведения о бытовании игры с таким названием в Нижегородской⁴⁰ и Архангельской⁴¹ губерниях. (Схема «городка» и самой игры дана на рисунке, ж). От такого варианта немногим отличается игра в с. Ворсиха Ишимского округа. Различие лишь в том, что в одном

случае «городок» сооружали специально, в другом использовали естественный холм. Примечательно в этом плане, что в Красноуфимске и Тавдинском крае (северо-восток Тюменского уезда) «городки» для состязаний сооружали в виде снежной горы⁴².

Обращает на себя внимание то, что игра «с городу долой» и ряд вариантов игры во «взятие снежного городка» имеют несомненное сходство с некоторыми локальными вариантами кулачного боя «стенка на стенку», где местом для состязаний являлись холмы и горки. Так, в Суздальском уезде на масленицу одна партия кулачных бойцов занимала вершину горы, а другая старалась выбить ее оттуда⁴³. В Саратове и Костроме бытовал аналогичный обычай⁴⁴. В Витебске на кулачных боях также традиционно одна партия сбивала другую с вершины горы⁴⁵. В с. Снетине Лубенского уезда кулачные бойцы бились на горе над Сулою⁴⁶. Примечательно, что в противоборстве за снежный «городок» традиционные правила не запрещали использование захватов руками и ударов кулаками.

При рассмотрении социальных функций изучаемой игры прежде всего отметим ярко выраженный военный сюжет состязания. Большинство сообщений говорит о построении конных и пеших бойцов перед атакой на «городок» в определенный боевой порядок⁴⁷. Для начала атаки использовался особый сигнал — выстрел из пушки, ружья, команда голосом и т. п.⁴⁸ Противостоящие стороны возглавляли командиры — «коменданты», «городничие», «енаралы», «атаманы», «воеводы», «предводители»⁴⁹. В ходе состязаний применялись простейшие тактические приемы: атака развернутым во фронт строем или колонной, отвлекающие маневры. Игра требовала слаженной работы всей команды, взаимодействия пехоты и кавалерии при наступлении на «городок», умения управлять конем в экстремальных условиях. Очевидно, что в ходе противоборства мужское население с детства вырабатывало определенные военные навыки и приемы, тренировалось в их применении, что определяло военно-прикладное значение игры.

В связи со всем сказанным обратим внимание на существовавшую в русской армии традицию строительства моделей крепостей для тренировки солдат в их осаде и штурме. Самое раннее свидетельство об этом датируется концом XVII в. и связано с именем Петра Великого. «У Красного Села на пруде, — говорится в нем, — сделан был город Азов, башни и ворота, и каланчи были нарядные, и потехи были изрядные, и Государь изволил тешиться»⁵⁰. По видимости, «город Азов» был сооружен из льда и снега, его штурмовали потешные войска, возглавляемые царем. Подобное известие имеется в документах архива князя Ф. А. Куракина⁵¹. Напомним также сооружение А. В. Суворовым модели крепости Измаил.

Очевидно, что характер изучаемой игры был таким, что в ходе противоборства бойцы неизбежно испытывали значительные трудности (падение с коня, удары ледяными и снежными комьями, метлами, палками, нагайками, риск попасть под копыта и т. п.), преодоление которых требовало больших физических и морально-волевых усилий. Об ожесточенности борьбы за «городок» говорит то, что для его взятия обычно предпринималось несколько попыток в течение продолжительного времени. Так, по свидетельству А. Широкова, атака на «городок» «повторяется несколько раз и все с возрастающею яростию», отряд, «построившись снова, с большею силою ударяет на осажденных... приступ продолжается, пока, наконец, последний раз один из отчаянных удалцов, не щадя ни себя, ни лошади своей, врывается в ряды гарнизона и, мужественно достигнув ворот крепости, проскакивает на своем бегуне под снежными сводами ее». «Часто бывает, — отмечает он, — что оказываются тяжелораненные кусками льда, брошенного из толпы осажденных»⁵². По сообщению М. В. Красноженовой, для многих участников игра оканчивалась «серьезными ушибами»⁵³.

Напряжение всех сил бойцов при атаке на «городок» правдиво передано

в романе К. Ф. Седых «Даурия»: «Первым у ворот городка очутился Митька, и его же первого вышибли из седла удачно сброшенной со стены глыбой... Следом к городку подлетел низко пригнувшийся к луке седла Платон. Его осыпали тучей снежков. В одно мгновение он стал белым с головы до пяток, но по-прежнему настойчиво пробирался вперед... Кто-то так ловко смазал платонова коня глыбой в морду, что конь встал на дыбы и круто повернул назад, не слушая поводыев... Роман пустил гнедого прямо в проход. Навстречу ему полетели тяжелые заледеневшие снежки, нанося чувствительные удары сквозь папаху и полушубок... и в то же мгновение ему показалось, что на него свалилась целая гора. Новая глыба, угодившая ему прямо в спину, заставила его замолчать. Он пошатнулся в седле. В ушах зазвучал долгий тягучий звон, глаза застилало розовым дымом»⁵⁴. Таким образом игра моделировала ситуации, в которых максимально напрягались все силы человека. Упражняясь в таких состязаниях, мужчины с детства приучались преодолевать трудности, тренировали физическую силу, воспитывали в себе волевые качества — все то, что имеет большое значение и в военном деле, и в повседневной жизни.

Необходимость слаженных, взаимосвязанных действий в этой коллективной игре предопределяло воспитание у бойцов чувства локтя, взаимной помощи. Участники ее соблюдали определенные правила, отражавшие традиционные морально-этические нормы, а гарантией этому являлось то, что борьба за «городок» проходила на виду всего мира и поведение бойцов здесь же подвергалось обсуждению и оценке общины. Так игра служила воспитанию честности, справедливости, уважения к сопернику. Воспитывалось здесь и чувство любви к малой родине — селу, станице и т. п., с чего, как известно, начинается любовь к Родине большой, поскольку бойцы часто выступали как представители своей улицы, порядка, деревни. Организатором состязаний обычно выступала община. Как отмечает А. Ф. Некрылова, на возведение и взятие снежного городка выходили «всем миром»⁵⁵. Из общинных средств выделялись деньги на призы для победителей и на другие расходы, связанные с состязаниями. Вероятно, в древности подобные боевые игры выполняли роль смотра сил общины, показывали, на кого община могла более всего положиться в войне и труде.

Известно, что одно из главных назначений народных обычаев состоит в том, чтобы поставить человека в тесную взаимную связь с «миром», общиной. Обычай состязаний во «взятии снежного городка» не составлял в этом плане исключения. Традиционное общество возвышало сильных, мужественных, смелых, решительных, справедливых и порицало слабых телом и духом. Личность испытывала постоянное сильнейшее давление общины, а подобные состязания были одним из действенных средств, которые приводили личность к уровню требований общества и, следовательно, выполняли функцию социализации.

Несмотря на объективную полифункциональность изучаемой народной игры, современники субъективно воспринимали ее в основном как праздничную потеху, забаву. Как развлечение, характерное для русских, взятие снежного городка представлено в произведениях многих писателей XIX—XX вв., создавших правдивые картины народной жизни⁵⁶. Игра эта неизменно привлекала массы зрителей, которые подбадривали бойцов, обсуждали перипетии состязаний, спорили и бились об заклады, нередко выступали на помощь защитникам «городка». Зрелищное восприятие игры усиливалось тем, что ей, как правило, предшествовало движение к «городку» масленичного поезда, в составе которого были «царь», «фетьмаршалы», «енаралы», их свиты. Процессия с шумом и весельем приближалась к «городку», перед началом состязаний «царь» или «фетьмаршал» произносил речь, изобиловавшую остротами, репризами и приводившую в веселое настроение зрителей⁵⁷.

Состязания оказывали на зрителей и бойцов сильное и разностороннее эмоциональное воздействие. Зрителей восхищал драматизм противоборства,

искусство управления конем, проявление силы, ловкости и удали участниками игры. Бойцов захватывало предчувствие борьбы и само соревнование, возможность проявить свою силу и удаль перед зрителями. Накал эмоций в игре замечательно описан В. Я. Шишковым в романе «Угрюм-река»: «Высыпало полсела. Лица у всех улыбочивы и красны... Вот вырвался из переулка всадник, ударил коня и прямо на потешный город. За ним другой, третий. Ближе, ближе. Мальчишки с ревом, свистом закрутили трещотками, во всадников полетели комья снега..., бабы визжали и взмахивали платками перед самыми мордами взвившихся на дыбы коней. Всадники драли коняг плетью, пинали..., нукали, тпрукали, кони храпели, крутились, плясали на дыбах и — боком-бокоч прочь под ядреный хохот веселого народа: — Тю-тю-тю! Ездоки! Наезднички! Вкусно ли вино досталось! Тю-тю-тю!»⁵⁸. Состязания за обладание «городком» давали широкий простор для проявления силы, удали, для выхода эмоций, они отвлекали от повседневности, коренным образом переключали эмоциональный настрой, успешно выполняя компенсаторную функцию. Собрание многочисленных участников и зрителей различных возрастов в одном месте, их принадлежность к одному обществу (деревне, селу, станице и т. п.), общий эмоциональный настрой — все это создавало атмосферу единения и сплочения, делало обычай таких состязаний эффективным средством общения.

Некоторые детали изучаемой народной игры дают, на наш взгляд, основание усматривать в обычае борьбы за «городок» пережитки некоторых архаичных элементов народной культуры. Рассмотрение этого вопроса тесно связано с проблемой происхождения игры. Ряд исследователей считает, что обычай «взятия снежного городка» имеет очень древние корни⁵⁹. М. Г. Рабинович допускает, что игра эта может восходить «к древним обрядовым действиям»⁶⁰. По мнению же В. К. Соколовой, нет оснований архаизировать и связывать с древними верованиями эту масленичную игру⁶¹. Самое раннее из имеющихся у нас свидетельств об этой игре относится, как было сказано выше, к Европейской России и датируется концом XVII в. Наиболее раннее известие о «городках» в Сибири, датируемое 1735 г., содержится в заметках И. Г. Гмелина о с. Торгошине Енисейской губернии⁶². Хотя более древних свидетельств об этой игре у нас нет, обратим внимание на многократные упоминания в древнерусских источниках, в первую очередь в церковных актах, «конских уристаний»⁶³. Часть из таких «уристаний» представляла собой, согласно этим документам, конные скачки. Смысл других из них не ясен. Выскажем предположение, что некоторые из «конских уристаний» являли собой состязания подобные «взятию снежного городка». Примечательно в этом плане, что В. Я. Шишков определяет эту игру как конное ристалище⁶⁴.

При анализе свидетельств о «городках» привлекает внимание сообщение о том, что для состязаний возводились две крепости — одна для взрослых, другая для детей⁶⁵. Согласно другому известию, в одном и том же «городке» состязались сначала подростки, потом взрослые⁶⁶. По сообщению А. Ширкова, на Верхней Оби мальчишки участвовали не в самой игре, а только в разрушении «городка» после его взятия взрослыми бойцами⁶⁷. Согласно некоторым известиям, партия строителей, защищавшая «город», состояла из подростков и юношей, атаковали же его взрослые парни и мужчины⁶⁸. Все это дает основание усматривать в обычае таких состязаний возрастное деление, корни которого, по-видимому, лежат в глубокой древности. Существенно также то, что переход из младшей возрастной группы в старшую определялся прежде всего проявленными в борьбе за «городок» мужеством, смелостью и мастерством. Это весьма похоже на пережиток древнего обычая инициаций — трудных испытаний, знаменовавших переход в более высокую возрастную категорию.

С. А. Токарев обратил внимание на то, что в традиционных состязаниях мужских коллективов на народных праздниках прослеживаются реликты

мужских организаций⁶⁹. Ряд типичных черт «взятия снежного городка» — демонстрация силы, ловкости и удали на виду всей общины, объединение мужчин на военизированной основе, символичность сражения, возрастное деление, определенная роль каждой возрастной группы в игре — дают основание усматривать здесь трансформированный реликт древних мужских союзов.

Рассмотрим теперь традиционные сроки проведения состязаний. Абсолютное большинство известий о «городках» приурочивает игру к «прощеному дню» масленицы. Лишь немногие (все они относятся к Европейской России) говорят, что «взятие городка» устраивалось в субботу на сырной неделе⁷⁰. По сообщению Е. Бутовой, в станице Бороздинской Кизлярского округа «брать города» начинали с пятницы на масленице⁷¹. Ряд известий не уточняет дня масленицы, в который проводилась игра. В то же время отсутствуют данные о приурочивании ее к другим датам зимнего календаря, хотя и климатические условия, и общественная значимость некоторых из них вполне допускали это. Известно, что у восточных славян в обрядности масленицы в XIX — начале XX в. в значительной мере сохранялись элементы древних дохристианских верований, в которых прослеживаются взаимосвязанные идеи аграрной магии, поминания предков, весенних игрищ молодежи и почитания молодоженов⁷². Изучение имеющихся материалов показало практическое отсутствие известий о том, что «городок» на масленице устоял при штурме, не был взят атакующей стороной, хотя условия игры вполне допускали такой исход. Исключение из более чем 300 имеющихся у нас известий составляет лишь сообщение Г. Гмелина о том, что «городок» остался в обладании защитников⁷³. Интересно, что из-за этого «всадники пришли в большую ярость» и хотели обстрелять крепость из луков, чему помешал категорический запрет воеводы, наблюдавшего за игрой. По-видимому, «не взят городок» на масленицу было против обычая и указанное исключение лишь подтверждает правило. Примечательно, что во всех случаях после взятия «городка» подвергался разрушению, хотя в этом не было видимой необходимости. Вероятно, все это послужило веским основанием к тому, что В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский, А. Н. Афанасьев усматривали в обычае «взятия снежного городка» на масленице пережиток древнего аграрно-магического ритуала, символизировавшего космическое противоборство зимы и лета (весны), в результате которого весна обязательно одерживает победу⁷⁴.

Интересная деталь «взятия городка» приведена в сообщении А. Новикова. В. с. Стукова Барнаульского округа после взятия крепости победитель старался тут же ускользнуть прочь. За ним организовывали погоню, участники которой, догнав, «с криком торжества стаскивают его с коня, моют в снегу, наполняют комьями снега его шаровары, рубашку и прочее... до тех пор, пока победитель не потеряет сознания»⁷⁵. Обычно такое валяние в снегу на масленицу трактуется этнографами как пережиток аграрной магии⁷⁶.

Известно, что с глубокой древности в мировоззрении земледельцев важное место занимали представления о зависимости благополучия общины, урожая от мира умерших предков. У многих народов (в том числе у славян), по данным А. П. Окладникова, состязания, противоборства, будучи в далеком прошлом непременным элементом весенних аграрных праздников, сопровождали и погребальные торжества. «Такие состязания, — считал он, — символизируют борьбу между зимой и летом, доброго начала вселенной против злых ее сил, вместе с тем, по представлениям древних, сопутствовали человеку в критический, переломный момент его судьбы, способствовали благополучному переходу покойника в мир предков — незримых покровителей общины, охранителей ее благополучия»⁷⁷. Н. Н. Велецкая, отмечая, что «в масленичной обрядности отчетливо выражен круг действий, вызывающих ассоциации с языческой похоронной тризной», полагала, что в кулачных боях и «взятии городка» прослеживаются элементы «ритуала отправления к праотцам», видела в этих играх не только оказание почестей предкам, но и «как бы усиление,

укрепление их сил... воздаяние им своей кровью»⁷⁸. По мнению Б. А. Рыбакова, тризны — погребальные боевые игры, главными среди которых у славян он считал конские ристания, были средством, призванным отгонять смерть от живых, демонстрировали их жизнеспособность⁷⁹. Притом он связывает возникновение погребальных состязаний с развитием земледелия и аграрных культов⁸⁰. Д. К. Зеленин считал, что наряду с кулачными боями на масленице «взятие снежного городка» также составляет элемент поминального обряда⁸¹. «Особенный эпизод маслениц, — отмечал П. А. Бессонов, — составляет тризна с соответствующим ристанием... Тризна оставила нам одну яркую, первобытную и специальную черту — это бои при городках»⁸².

Имеются материалы, хотя и немногочисленные, свидетельствующие о связи обычая состязаний за «городок» с весенними игрищами молодежи. Так, по сообщению из станицы Бороздинской Кизлярского округа, там на масленице бытовал особый вариант «городка». Девушки, вооруженные длинными палками, влезали на большую длинную скамью, которую называли «городок», и защищали. Парни верхом на конях атаковали «городок», девушки же беспощадно били их своими палками. «Те, кому удастся взять этот город, получают право перецеловать всех девушек»⁸³. По описаниям В. Я. Шишкова и К. Ф. Седых, среди обороняющих «город» обычно присутствие девушек⁸⁴. По данным М. Г. Рабиновича, защитники крепости состояли по большей части из молодежи обоего пола⁸⁵. Как отмечал С. А. Токарев, игровое соперничество полов имеет место «почти на всех народных праздниках, во всех памятных днях сельскохозяйственного года», символизируя идеи весеннего игрища, сватовства, аграрного плодородия⁸⁶. Все сообщения о состязаниях за «городок» говорят о присутствии среди зрителей множества девушек и молодых женщин, одетых по-праздничному и с большим интересом следящих за противоборством. И если мужская молодежь демонстрировала здесь силу и здоровье — качества, необходимые не только в военном деле и труде, но и для успешного продолжения рода, как бы доказывая свое право на создание семьи, то девушки подвергали эти качества оценке и делали предварительный выбор партнера для будущей семейной жизни.

Возвращаясь к вопросу о происхождении изучаемой народной игры, обратим внимание и на предположение М. М. Громыко о том, что округлая форма некоторых «городков», ряд их деталей, среди которых отмечается характер украшений, говорят о восхождении этих сооружений к древнеславянским святилищам⁸⁷. Отметим также, что игры типа «взятия снежного городка» бытовали не только у русских. По данным В. М. Григорьева, Л. И. Григорьевой, Г. В. Довженок, игра «взятие крепости» имелась у украинцев⁸⁸. Это подтверждает и сообщение А. В. Терещенко⁸⁹. По свидетельству П. А. Бессонова, «бои при городках» бытовали у белорусов⁹⁰. Примеры взятия крепостей (горы) имели место, по данным Б. Ф. Карского, у южных славян⁹¹. И. Н. Гроздова сообщает о бытовании на юге Шотландии и в Ирландии игры, которая «очень напоминает взятие снежного городка». В этой связи ею высказан тезис о необходимости всестороннего сравнительного изучения таких народных игр в различных европейских странах⁹².

В свете всего сказанного есть, на наш взгляд, основания полагать, что корни народной русской игры «взятие снежного городка» уходят глубоко в древность. В средневековье эта традиция была, по-видимому, широко распространена на Руси. Казаки и служилые люди, осваивая в XVII—XVIII вв. новые земли, перенесли эту военную игру на Урал, в Сибирь, и со временем она стала там очень популярна. В Европейской России в большинстве случаев она постепенно утратила свой социальный статус, трансформировалась в детскую забаву. И сегодня зимой дети активно возводят снежные крепости, после чего разыгрывают между собой игровые баталии. Это один из характерных путей снижения значения и постепенного угасания народных обычаев.

Народная игра «взятие снежного городка» представляет собой сложное

этнокультурное явление, длительное время находившее применение и в сферах реального обеспечения жизнедеятельности, и, как нам представляется, в сферах жизни, облеченных в иррациональные формы. По-видимому, именно ее полифункциональность обусловила длительное широкое бытование этой народной традиции.

Примечания

- ¹ См., например: Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 160—166; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 87, 89; Носова Г. А. Картографирование русской масленичной обрядности. На материалах XIX — начала XX в. // Сов. этнография (далее — СЭ). 1969. № 5. С. 54.
- ² См., например: Горбунов Б. В. Народные виды спортивной борьбы как элемент традиционной культуры русских (XIX — начало XX в.) // СЭ. 1989. № 4; Лебедев А. А. К истории кулачных боев на Руси // Русская старина. 1913. Т. 155. № 7, 8; и др.
- ³ См., например: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 406; Липинская В. А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения Алтайского края // Русские. Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 122—125. Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 139—140; и др.
- ⁴ Красноженова М. В. Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии. Иркутск, 1924.
- ⁵ См., например: Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 340; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. М., 1979. С. 50; и др.
- ⁶ Липинская В. А. Указ. раб. С. 125.
- ⁷ Попов Т. Слобода Ткамыцкая // Тобольские губ. ведомости. 1866. № 9. С. 58.
- ⁸ Зобнин Ф. Игры // Живая старина. Вып. 3—4. М., 1896. С. 541.
- ⁹ Шишков В. Я. Угрюм-река // Собр. соч. Т. 3. М., 1983. С. 146, 148—151.
- ¹⁰ Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983. С. 62.
- ¹¹ Ширков А. Сибирский карнавал // Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности. СПб., 1844. Т. 17. С. 53.
- ¹² Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 2. СПб., 1835. С. 114; Терещенко А. В. Быт русского народа. Вып. IV. М., 1848. С. 353—355.
- ¹³ Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. Т. ХС. СПб., 1848. С. 96.
- ¹⁴ Новиков А. Несколько заметок о сибирской маслянице // Сибирская живая старина. Вып. VIII—IX. Иркутск, 1929. С. 175—176.
- ¹⁵ Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 328.
- ¹⁶ Красноженова М. В. Указ. раб. С. 12.
- ¹⁷ Липинская В. А. Указ. раб. С. 124.
- ¹⁸ Адрианов А. Широкая масляница (из далекого прошлого) // Сибирская жизнь. 1913. № 44.
- ¹⁹ Корреспонденция // Восточное обозрение. Иркутск, 1903. № 54. С. 4.
- ²⁰ Новиков А. Указ. раб. С. 177.
- ²¹ Там же.
- ²² Из Ишима Тобольской губернии // Неделя. СПб., 1883. № 14. С. 500—501.
- ²³ Седых К. Ф. Даурия. Душанбе, 1985. С. 207—215.
- ²⁴ Сергей Глаголь. Воспоминания о В. И. Сурикове // Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977. С. 211.
- ²⁵ Кривошеков А. Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестн. Оренбург. учеб. округа. Уфа, 1915. № 5. С. 207—210.
- ²⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972. С. 57.
- ²⁷ См., например: Громыко М. М. Мир... С. 340; Липинская В. А. Указ. раб. С. 124; и др.
- ²⁸ Сахаров И. П. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1990. С. 332—333.
- ²⁹ Афанасьев А. Н. Древо жизни. Избранные статьи. М., 1982. С. 436.
- ³⁰ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М., 1837. С. 132—133.
- ³¹ Терещенко А. В. Указ. раб. С. 354—355.
- ³² Архив Русского Географического общества. Оп. 1. Разряд XXXIV. Ед. хр. 15. Л. 25—35 об.
- ³³ Бл-в М. Масляница в Казани и в Воткинском заводе // Вятские губ. ведомости. Часть неофициальная. 1846. № 52. С. 339—341.
- ³⁴ Терещенко А. В. Указ. раб. С. 355.
- ³⁵ Носова Г. А. Указ. раб. С. 54.
- ³⁶ Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Обряды и праздники донских казаков // Обряды и праздники на Дону. Ростов-на-Дону, 1979. С. 36.
- ³⁷ Бутова Е. Станица Бороздинская Терской области Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 7. Тифлис, 1989. С. 39.

- ³⁸ Березайский В. С. Анекдоты древних пошехонцев. Сочинение Василья Березайского. СПб., 1798. С. 212.
- ³⁹ Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 336. Л. 24—25.
- ⁴⁰ Кудрявцева В. Ф. Детские игры и песенки Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1871.
- С. 12.
- ⁴¹ Словарь русских народных говоров. С. 56.
- ⁴² Там же. С. 62.
- ⁴³ А. Р. Стенка на стенку//Русский спорт. М., 1913. № 7. С. 5.
- ⁴⁴ Андреев А. Кулачные бои в Саратове//Саратовские губ. ведомости. 1860. № 12. С. 104; Сахаров И. П. Указ. соч. С. 363.
- ⁴⁵ Белозерский Е. Из прошлого. Рассказ старожилы//Витебские губ. ведомости. 1900. № 279.
- С. 2—3.
- ⁴⁶ Милорадович В. Снетинская старина//Киевская старина. 1897. Т. 59. № 10. С. 13.
- ⁴⁷ Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- С. 44—45; Снегирев И. М. Указ. раб. С. 132—133; Соколова В. К. Указ. раб. С. 50, 52; Ширков А. Указ. раб. С. 53.
- ⁴⁸ Забылин М. Указ. раб. С. 44—45; Новиков А. Указ. раб. С. 176; Снегирев И. М. Указ. раб. С. 132—133; Соколова В. К. Указ. раб. С. 50, 52; Седых К. Ф. Указ. раб. С. 213; и др.
- ⁴⁹ Красноженова М. В. Указ. раб. С. 14; Новиков А. Указ. раб. С. 177; Словарь русских народных говоров Приамурья. С. 62; Ширков А. Указ. раб. С. 53; и др.
- ⁵⁰ Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840. С. 105.
- ⁵¹ Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. С. 65—69.
- ⁵² Ширков А. Указ. раб. С. 53—54.
- ⁵³ Красноженова М. В. Указ. раб. С. 17.
- ⁵⁴ Седых К. Ф. Указ. раб. С. 213—214.
- ⁵⁵ Круглый год. Русский земледельческий календарь/Сост. А. Ф. Некрылова. М., 1989. С. 446.
- ⁵⁶ Гребенщиков Г. В просторах Сибири. Т. 2. Пг., 1915. С. 249—250; Седых К. Ф. Указ. раб. С. 207—215; Толстой А. Н. Детство Никиты. М., 1984; Шишков В. Я. Указ. раб. С. 146—151; и др.
- ⁵⁷ Красноженова М. В. Указ. раб. С. 14—16; Новиков А. Указ. раб. С. 175, 176, 178; Ширков А. Указ. раб. С. 53; и др.
- ⁵⁸ Шишков В. Я. Указ. раб. С. 149.
- ⁵⁹ Афанасьев А. Н. Указ. раб. С. 436; Миллер В. Ф. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884. С. 32; Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 406.
- ⁶⁰ Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 160.
- ⁶¹ Соколова В. К. Указ. раб. С. 50.
- ⁶² Gmelin I. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Bd. I. Göttingen, 1751. S. 385—386.
- ⁶³ См., например: Алмазов. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. III. Одесса, 1894. С. 212; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I. Харьков, 1916. С. 318; Домострой. Одесса, 1887. С. 15, 32; Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. СПб., 1906. С. 186; и др.
- ⁶⁴ Шишков В. Я. Указ. раб. С. 148.
- ⁶⁵ Кривошеков А. Указ. раб. С. 207—210.
- ⁶⁶ Сахаров И. П. Указ. раб. С. 332.
- ⁶⁷ Ширков А. Указ. раб. С. 94.
- ⁶⁸ Красноженова М. В. Указ. раб. С. 14; Седых К. Ф. Указ. раб. С. 207—208; Шишков В. Я. Указ. раб. С. 149—150.
- ⁶⁹ Токарев С. А. Община и семья//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 196, 197.
- ⁷⁰ Афанасьев А. Н. Указ. раб. С. 436; Забылин М. Указ. раб. С. 44; Сахаров И. П. Указ. раб. С. 332; Снегирев И. М. Указ. раб. С. 74.
- ⁷¹ Бутова Е. Указ. раб. С. 39.
- ⁷² Соколова В. К. Указ. раб. С. 11—67.
- ⁷³ Gmelin I. G. Op. cit. P. 386.
- ⁷⁴ Афанасьев А. Н. Указ. раб. С. 436; Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов//Собр. соч. Т. I. СПб., 1913. С. 213; Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 31—32.
- ⁷⁵ Новиков А. Указ. раб. С. 176.
- ⁷⁶ Кагаров Е. Г. Классификация и происхождение земледельческих сюжетов//Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те. 1929. Т. 34. Вып. 3—4. С. 190; Соколова В. К. Указ. раб. С. 24.
- ⁷⁷ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970. С. 105, 107.
- ⁷⁸ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 92—93, 123.
- ⁷⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 87, 89.
- ⁸⁰ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 274, 279; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 87, 89.
- ⁸¹ Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 406.

- ⁸² Бессонов П. А. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. Т. I. М., 1871. С. 125.
- ⁸³ Бутова Е. Указ. раб. С. 39—40.
- ⁸⁴ Седых К. Ф. Указ. раб. С. 207; Шишков В. Я. Указ. раб. С. 149.
- ⁸⁵ Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 160.
- ⁸⁶ Токарев С. А. Эротические обычаи//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 98.
- ⁸⁷ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 121.
- ⁸⁸ Григорьев В. М., Григорьева Л. И., Довженок Г. В. Украина//Игры народов СССР. М., 1985. С. 103.
- ⁸⁹ Терещенко А. В. Указ. раб. С. 355.
- ⁹⁰ Бессонов П. А. Указ. раб. С. 125.
- ⁹¹ Карский Е. Ф. Белорусы. Т. III. М., 1916. С. 139.
- ⁹² Гроздова И. Н. Народы Британских островов//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. Конец XIX — начало XX в. М., 1978. С. 80.

The Snow Fortress («Gorodok») Siege (Folk Russian Games of the Winter Cycle)

Taking of a snow fortress as a traditional Russian game of battle arts type is considered. This kind of a sportive folk competitions often preserve archaic cultural elements. The origins of the game and its local variations are described.

B. V. Gorbunov

© 1994 г., ЭО, № 5

В. Н. Шапошников

СТРУКТУРА ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ И СЕМАНТИКА ЭТНИЧЕСКИХ ЗНАКОВ («УЛИЧИ»—«ТИВЕРЦЫ»)

Древним этнонимам, равно как и скрывавшимся за ними этносам, посвящена обширная научная литература. Но до настоящего времени найдется не так много этнонимов, вопрос о которых считался бы решенным. Более того, имеется немалый массив этнических знаков, в исследовании которых ученые придерживаются весьма несходных, а порою взаимоисключающих мнений, касающихся этимологии названий, территории и времени расселения этносов. В этой связи становятся актуальными следующие задачи изучения проблемы: рассматривать этнонимы, отыскивая их знаковые взаимосвязи и, опираясь на них, раскрывать содержание; анализировать принадлежность этнонимов к системе и выявлять признаки этой системы; интерпретировать имена с учетом структуры письменного источника — той реальности, в составе которой они, собственно, и стали известны; проследить связи этнонимов не только как внутренние закономерности отдельного источника, но производить структурный анализ списков и редакций памятников, сопоставление структурных характеристик разных памятников.

Согласно представлению, складывающемуся из сообщений летописей, имена, которые принято обозначать формами «уличи» и «тиверцы», занимали в славянском мире особое положение. Загадочность племени уличей и немногочисленность положительных сведений о них, этимологическая непрозрачность названия «тиверцы» — едва ли не к этому сводится в основном момент